

На правах рукописи

Романов Иван Юрьевич

**ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ: КРИТИКА
СОЦИАЛЬНЫХ ТЕОРИЙ ПОСТМОДЕРНИЗМА**

Специальность 5.7.7 – Социальная и политическая философия

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Москва — 2026

Работа выполнена на кафедре философии и теории права ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»

Научный руководитель: **Макаров Андрей Иванович**
д-р филос. наук, профессор кафедры философии ФГАОУ ВО «Волгоградский Государственный университет»

Официальные оппоненты: **Тихонова Софья Владимировна**,
доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»

Цуркан Евгений Геннадьевич,
кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры социальной философии и философии истории, ФГОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Ведущая организация: ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Защита состоится 21 мая 2026 г. в 15:00 на заседании диссертационного совета 24.2.366.02 созданного на базе Российского государственного гуманитарного университета, по адресу: 125047, г. Москва, Миусская площадь, д.6, стр. 6.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке РГГУ по адресу: 125047, г. Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6 и на сайте РГГУ: <https://www.rsuh.ru/dissovet/d-212-198-05/romanov-ivan-yurevich.php>.

Автореферат разослан «29» марта 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат философских наук

И. С. Курилович

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования

Проблема трансформации социальной реальности приобрела особую значимость в современную эпоху, поскольку затрагивает фундаментальные основы человеческого существования и коллективной идентичности. В связи с этим возникает вопрос, насколько адекватны существующие теоретические модели для осмысления радикальных социальных изменений. Более того, возможно ли выявить их системные закономерности.

Каждая историческая эпоха вырабатывала собственные концепции социальной динамики, однако сегодня требуется принципиально новый подход, учитывающий уникальные характеристики современности – цифровую революцию, кризис традиционных институтов, глобализационные процессы и новые формы социального отчуждения. Парадоксальным образом, технологический прогресс, предоставляя беспрецедентные средства коммуникации и контроля над реальностью, одновременно порождает новые формы социальной атомизации и утраты устойчивых идентичностей.

Между тем, современный человек в обществе оказывается втянутым в систему перманентной трансформации, где социальные нормы и ценности подвергаются постоянному пересмотру. Это приводит к ситуации, когда индивид, обладая формально большими возможностями выбора, фактически лишается надежных ориентиров для построения целостной картины мира. Социальные изменения, изначально направленные на расширение человеческой свободы, оборачиваются новыми формами зависимости – от цифровых алгоритмов, медиапоток, экономических и политических систем, до культурных и социальных течений.

Противоречивость современной социальной трансформации

проявляется в том, что декларируемый плюрализм и свобода самовыражения сосуществуют с мощными унифицирующими тенденциями, нивелирующими культурные различия. Технологический прогресс, обеспечивающий невиданные ранее возможности контроля над реальностью, не сопровождается соответствующим развитием социальной ответственности, что создает угрозу утраты гуманистического измерения общественного развития.

В этой связи проблема трансформации социальной реальности приобретает фундаментальное значение для понимания перспектив человеческого существования. Она требует рассмотрения не только в социологическом, но и частично в философско-антропологическом ключе – как вопроса о возможности сохранения аутентичности субъекта в условиях перманентных изменений. Социальная философия призвана выявить такие модели адаптации, которые позволили бы совместить динамику развития с устойчивостью личностного бытия.

В эпоху, когда скорость социальных изменений превосходит возможности их осмысления, понимание логики трансформационных процессов становится условием сохранения осмысленного человеческого существования. Особую актуальность этому исследованию придает тот факт, что современные дискуссии о будущем общества часто сводятся к борьбе за частные формы свободы, тогда как целостное понимание социальной динамики остается неразработанным. Таким образом, трансформация социальной реальности должна рассматриваться как комплексный процесс, требующий не только критического анализа существующих структур, но и позитивного проектирования новых форм социальности.

Степень научной разработанности проблемы

Проблема осмысления социальной реальности обнаруживает свою концептуальную преемственность на протяжении всей истории философской мысли. Четкое терминологическое оформление появляется в

исследованиях А. Шюца в первой половине XX века. Этот парадокс между фактическим наличием социально-философской проблематики и отсутствием ее эксплицитного понятийного оформления требует специального методологического осмысления через призму современного категориального аппарата.

Античная философская традиция, представленная прежде всего Гераклитом, Демокритом, Платоном и Аристотелем, заложила фундаментальные основания для понимания социальности через призму политического устройства. Греческие мыслители рассматривали человеческое существование как принципиально социополитическое по своей природе, что нашло выражение в аристотелевском определении человека как «*zoon politikon*».

Переход к новой парадигме социального мышления осуществлялся через процесс христианизации античного наследия. Такие мыслители, как Августин Блаженный, Фома Аквинский, Уильям Оккам и Иоанн Дунс Скот, синтезировали платоновские и аристотелевские подходы с теоцентрической картиной мира. Именно в этот период происходит концептуализация ключевых для современной социальной философии категорий свободы и равенства.

Эпоха Возрождения и Реформации стала катализатором перехода к антропоцентрической модели социального мышления. Этот период характеризуется поэтапной секуляризацией социальной теории, где фигура государя у Макиавелли или утопические проекты Томаса Мора демонстрируют новое понимание социальной реальности – появляется модель справедливой власти.

XVII–XVIII века ознаменовались формированием основных концептов социальной философии (Т. Гоббс, Дж. Локк, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, А. Смит). Теории общественного договора и естественного права заложили основы современного политического мышления как части социальной реальности и политической идентичности индивида.

XIX в. стал периодом институционализации социального знания. Г.В.Ф. Гегель систематизировал социально-философское знание, О. Конт заложил основы социологии, К. Маркс разработал теорию социальных формаций. Параллельно формировались различные методологические подходы – от утилитаризма И. Бентама и Дж. Милля до социального дарвинизма Г. Спенсера.

Особое значение приобретает феноменологическая социология А. Шюца, впервые осуществивший концептуальное закрепление понятия «социальная реальность» через анализ структур повседневности и intersubъективного опыта. В отличие от постмодернистских теорий, акцентирующих дискурсивную природу социального, Шюц обосновывает объективность жизненного мира как фундаментальной основы социальных взаимодействий, что дает возможность анализировать трансформационные процессы не только как языковые игры, но и как изменения в структурах повседневного опыта. Таким образом, концепция А. Шюца выступает теоретическим ориентиром, позволяющим переосмыслить современные социальные изменения без утраты онтологического статуса социальной реальности.

XX век поставил под сомнение саму возможность системного познания социальной реальности. Франкфуртская школа (Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Г. Маркузе, Э. Фромм, Ю. Хабермас) переосмысливала марксистскую традицию. Структуралистская революция (Клод Леви-Стросс, Р. Барт, Ж. Лакан, Л. Альтюссер, М. Фуко) сместила фокус на анализ глубинных структур социальной реальности. Постструктурализм (Ж. Деррида, Ж. Делез, Ж.-Ф. Лиотар, Ф. Гваттари) радикализировал этот подход через деконструкцию базовых понятий и категорий в социальной философии. Эти теоретические направления указывают на изменения социальной реальности не только на уровне институтов и практик, но и через трансформацию самих структур мышления, языковых кодов и механизмов конструирования смыслов.

Современный этап, представленный работами (Ж. Бодрийяра, Ю. Кристевой, Р. Жирара, Дж. Батлер, Дж. Агамбена), сталкивается с необходимостью осмысления принципиально новых феноменов цифровой эпохи. Историко-философский анализ показывает, что каждое радикальное преобразование социальной реальности требует пересмотра эпистемологических оснований социального познания для того, чтобы выработать адекватные теоретические инструменты, способные объяснить новые формы социальности и механизмы их трансформации в условиях возникающих гибридных социальных практик.

В контексте настоящего исследования, посвященного критическому анализу философии постмодернизма в аспекте трансформации социальной реальности, переосмысление традиционных концепций приобретает особую методологическую значимость. Философский постмодернизм, с одной стороны, предложил радикальную критику позиций модерна, но, с другой – создал ситуацию концептуальной неопределенности в понимании механизмов социальных изменений. Именно поэтому в рамках нашей работы требуется пересмотр классических теорий социальной реальности – от античных до модернистских – для выявления тех элементов, которые сохраняют эвристическую ценность в условиях современной социальной динамики, и тех, которые оказались деконструированы постмодернистской критикой. Такой подход позволяет не только выявить ограничения постмодернистской парадигмы, но и наметить пути преодоления ее релятивизма через синтез проверенных временем концептуальных схем с новыми аналитическими инструментами, необходимыми для осмысления цифровой трансформации общества. Особое внимание в этом контексте уделяется критике постмодернистского понимания социальной реальности как исключительно дискурсивного конструкта, что позволяет восстановить онтологический статус социального как самостоятельной сферы бытия, обладающей собственной логикой трансформации.

Объект и предмет исследования

Объектом настоящего диссертационного исследования является социальная динамика в критике постмодернистской философии.

Предметом настоящего исследования являются тенденции трансформации социальной реальности в контексте критики теорий постмодернизма.

Цель и задачи исследования

Целью настоящей работы является выявление логики трансформации социальной реальности посредством критики социальных теорий постмодернизма.

Ключевыми *задачами* настоящего исследования являются:

1) Обосновать необходимость рассмотрения тенденций трансформации социальной реальности в контексте критики теорий постмодернизма.

2) Выявить центральную проблему состояния социальной реальности в философии постмодернизма.

3) Выявить логику трансформации социальной реальности, фрагментарно отраженную в работах философов-постмодернистов.

4) Проверить специфику дефицита как особой причины, определивший характер трансформационных процессов.

5) Выявить социальные реакции, ярко репрезентирующих проблемы трансформационных процессов общества постмодерна.

6) Концептуализировать статус социальных движений, претендующих на реализацию проекта преодоления состояния постмодерна.

Методологическая основа исследования

Методологической основой исследования выступают следующие методы – феноменологическая социология как фундамент понятийного

аппарата и метод концептуализации данных интерпретаций; постструктурализм как основа семиотического толкования реальности; герменевтика как способ интерпретации текста, позволяющего работать со знаковым выражением социальной реальности.

При анализе понятия «социальная реальность» и ее трансформации использовались методы контекстуального анализа, сравнения и герменевтической интерпретации текстов и ситуаций. При раскрытии процесса трансформации социальной реальности использовались данные классических социальных теорий, современных социальных тенденций, исторический опыт социальных практик и их последствий в границах социальной реальности. Также были использованы методы интерпретации, концептуализации, систематизации, анализа.

Основные положения, выносимые на защиту

На основе проведенного исследования на защиту выносятся следующие тезисы:

- Существующие концепции объяснения трансформации социальной реальности не отражают в полной мере сущность актуальных социальных процессов. Наиболее адекватными концепциями могут считаться исследования философов-постмодернистов, но их разработки обладают двумя существенными проблемами. Во-первых, проблема специфического дискурса; ряд ключевых понятий таких теорий заимствованы из разных областей знаний, причем в процессе вольной интерпретации эти понятия приобретали специфические значения, не согласуемые как с традиционным философским языком, так и с языком других областей знаний. Более того, среди самих постмодернистов введенные понятия не согласовывались. Во-вторых, проблема фрагментарности; отказ постмодернистов от создания больших философских систем привел к их фокусированию на отдельных частях социальной реальности, следствием стало множество, пусть и валидных, но

разрозненных объяснений актуальной социокультурной ситуации. Указанные две проблемы не согласуются с академической традицией социальной философии, которая предполагает целостное объяснение процессов в социальной реальности каждого исторического этапа. Отсюда вытекает необходимость упорядочивания разномасштабных валидных идей в единую объяснительную модель. Такую модель можно создать, если выявить центральную проблему, которую в той или иной степени рассматривают философы-постмодернисты.

- Центральной проблемой, которую рассматривают философы-постмодернисты, выступает кризисное состояние социальной реальности. Философы-постмодернисты констатируют стремление субъектов социальной реальности к порядку, который не достигается из-за использования этими субъектами устаревших способов систематизации жизни социума, т.к. на вызовы общества изобилия невозможно ответить практиками достижения порядка общества дефицита. Невозможность ответить на актуальные вызовы приводит к состоянию социальной реальности, для обозначения которой вводятся понятия «руины», «разруха» и «болезнь». Указанные понятия имеют общее значение – наступление кризиса, т.к. ни руины, ни разруха, ни болезнь не являются удовлетворительными для жизнеспособности человека. Увеличение количества конфликтов между корпорациями и государствами, ставящее вопрос об уничтожении всего человечества, только подтверждает валидность исследования постмодернистов. Анализ исследований постмодернистами причин, сущности и следствий кризиса социальной реальности, позволяет утверждать о наличии ряда идей, выстраивание связей между которыми позволяет выявить логику трансформации социальной реальности в постмодерне.

- Процесс трансформации социальной реальности с точки зрения философов постмодернизма происходит по следующей логической схеме: «дефицит – кризис – отчуждение – адаптация». Решение проблемы

дефицита материальных благ придало вещи особый статус – статус знака, т.е. стало считаться, что приобретение вещи является приобретением идеи, чем больше идей – тем больше смысла. Такое ошибочное отождествление изобилия материальных благ с изобилием символическими благами привело к подозрению, что с прибавлением вещей не прибавляется смысла. Наступил кризис, который в массовой культуре обозначается как «утрата смысла жизни». Такая утрата привела к запуску комплексного процесса отчуждения. Негативные состояния субъектов социальной реальности сделали необходимым процесс поиска способов преодоления таких состояний, что продуцировало культурные инновации и новые протестные социальные тенденции, свидетельствующие о начале адаптивных процессов. Такие процессы с необходимостью выстраиваются на рефлексии дефицитного состояния как особой причины, определяющей характер трансформационных процессов.

- Дефицит занимает ключевое место в процессе трансформации социальной реальности. В обществе постмодерна причиной начала трансформации социальной реальности является дефицит реального как вид дефицита смысла. Такой специфический вид дефицита появляется из-за особых условий общества постмодерна. Спецификой общества постмодерна является симуляция, которая включает в себя многообразие симулякров, подменяющих собой реальный смысл вещей. Такое функционирование симулякров приводит к формированию гиперреальности, т.е. такой иллюзии, которая заменила собой реальность и выместила последнюю из возможности быть воспринятой. Но в обществе существует потребность ощущения реальности, выражающееся в поиске подлинного смысла вещей и жизни в целом, что создает тот самый специфический вид дефицита смысла – дефицит реального. В этой связи адаптивные процессы в реалиях общества постмодерна формируют особые социальные реакции, требующие детального анализа.

- Адаптивные процессы к отчужденному состоянию социальной

реальности продуцировали появление двух значимых социальных феноменов – «новой искренности» и «новой этики». Новая искренность – коммуникативная публичная ситуация, в которой есть актер признания и актер, оценивающий признание с точки зрения его честности. Новая этика – проект построения альтернативы модернистской системе норм intersубъективной коммуникации. Предполагается, что такая этика выстраивается за счет отказа от конвенциональных макросистем социальных норм и перехода к индивидуальным микросистемам норм коммуникации. «Новая искренность» и «новая этика», во-первых, по составу слов демонстрируют стремление к новым формам сущностных черт правильной коммуникации в условиях изменившейся социальной ситуации, во-вторых, задают тенденцию на пересмотр устоявшихся норм коммуникации, в-третьих, ставят вопрос о подлинном «реальном» взаимодействии между субъектами социальной реальностью. Последнее напрямую относится к педагогико-адаптивистскому проекту постмодернистской философии, предполагающей использование игрового режима при адаптации к негативным эффектам плюралистически организованной социальной реальности. Такой проект претендует на возможность создания идейных основ для социальных движений, которые должны реализовать альтернативный социальный проект, позволяющий «преодолеть» постмодерн, т.е. нивелировать дефицит реального в социальной реальности. Такие социальные движения существуют, но их статус остается неизученным, т.е. требует концептуализации.

- Формой адаптации к социальной ситуации постмодерна являются сформированные в нем протестные проекты. Такие проекты организуют социальную практику, которая претендует на создание новой социальной модели. В обществе постмодерна, необходимо связанной с поздним капитализмом, ведущей и конвенционально принятой социальной моделью является *homo economicus*. Протестные проекты предлагают новую модель, которую разумно именовать – *homo tardus*, т.е. «человек

замедленный». Модель homo economicus включает в себя следующие существенные характеристики – высокий темп технического развития и социальной динамики, глобализация и увеличение потребления при увеличении производственных сил. Протестные социальные движения не могут полностью отказаться от потребления как такового, но и не соглашаются с теми формами потребления, которые существуют в обществе постмодерна (так же именуемого обществом потребления (Ж. Бодрийяр)). Решением, с точки зрения протестных движений, является выработка и реализация способов замедления потребления как противостояния существенным чертам общества постмодерна. Данные движения обладают рядом проблем, связанным с принципиальной невозможностью «преодоления» текущей социальной системы по трем основаниям: (1) существующий дефицит социального и материального капитала определяет нехватку необходимого ресурса для «борьбы» с текущей системой; (2) структурная особенность капитализма, как главного источника негативных эффектов и принципиально ориентированного на умножение ресурсов, делает невозможным борьбу с собой, т.к. в ту систему помещаются все ресурсы планеты; (3) системная специфика постмодерна, а именно плюрализм и борьба с универсальными системами, не предполагает организацию макросоциальных групп.

Научная новизна исследования

- доказана необходимость рассмотрения тенденций трансформации социальной реальности при помощи критики теорий постмодернизма, поскольку предложенные социальные концепции фокусируясь на отдельных частях и проблемах в социальной реальности, не предоставляют целостного видения общих трансформационных процессов;

- выявлена центральная проблема состояния социальной реальности с точки зрения философов-постмодернистов. Такой проблемой является кризисное состояние социальной реальности;

- выявлена логика осмысления процесса трансформации социальной реальности в трудах философов-постмодернистов, которая может быть представлена в следующей объяснительной модели: «дефицит – кризис – отчуждение – адаптация»;

- доказано, что при нарастании кризисных процессов и явлений обществ постмодерна, формируются специфические социальные тенденции и практики, направленные на противостояние отчуждающим и симулятивным процессам в социальной реальности, что позволяет констатировать запуск процесса трансформации;

- выявлены социальные феномены «новой искренности» и «новой этики», свидетельствующие об адаптации к социо-политическим проблемам социальной реальности в постмодернистском обществе. Такие социальные феномены являются продуктами педагогико-адаптивистского проекта постмодернистской философии;

- предложен концепт *homo tardus*, обобщающий смысл противоречивых социальных протестных движений, целью которых является преодоление состояния постмодерна.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Теоретическая значимость: концептуальная схема трансформации социальной реальности и обнаруженные социальные феномены могут быть использованы в дальнейших исследованиях в рамках философии и других гуманитарных дисциплин. Результаты анализа репрезентации искренности через знаки искренности могут быть применены при анализе продуктов современной массовой культуры.

Практическая значимость: исследование практического значения трансформационных процессов в социальной реальности позитивно скажется на возможности рефлексии специфики современного гетерогенного мира, что создает условия для формирования устойчивой к негативному влиянию социальной реальности идентичности. Проведенное

исследование может являться теоретическим фундаментом для анализа социальной теории постпостмодернизма. Кроме того, результаты исследования могут быть использованы при составлении учебных курсов по дисциплинам «Основные модели социальной реальности», «Вызовы современной цивилизации» и «История философии».

Структура диссертационного исследования

Данное диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы, содержащей как первоисточники, так и исследовательские работы. Первая глава посвящена исследованию понятия социальной реальности, ее динамики, а также методологическим аспектам исследования. Глава содержит три параграфа. Вторая глава посвящена исследованию процесса трансформации социальной реальности в позднем капитализме, ее отдельных структурных элементов, а также выявление общих социокультурных тенденций современности. Вторая глава также содержит 3 параграфа.

Общий объем работы составляет сто пятьдесят три страницы, список использованной литературы содержит сто пятьдесят три наименования.

Апробация результатов исследования

Результаты диссертационного исследования изложены в трех научных статьях, которые входят в перечень рецензируемых изданий ВАК. Основные положения работы получили апробацию на научно-практических конференциях международного и всероссийского уровня, в том числе: XIII Международная конференция «Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы – 2021. Этика как наука и профессия» (г. Санкт-Петербург, СПбГУ, 18–20 ноября 2021 г.); Международная конференция «Смысл и смыслообразование» (г. Санкт-Петербург, СПбГУ 2-4 июня 2022 г.); XIV Международная научная конференция «Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы – 2022. К 100-летию

"Философского парохода"» (г. Санкт-Петербург, СПбГУ, 17–19 ноября 2022 г.); Международная научная конференция «Цивилизационные коды России (к столетию философского парохода)» (г. Санкт-Петербург, СПбГУ, 17-18 ноября 2022 г.); Международная научно-практическая конференция «VII Гуманитарные Губкинские чтения» (г. Москва, РГУ нефти и газа (НИУ), 21 апреля 2023 г.); VIII московский международный семинар (конференция) «Трансцендентальный поворот в современной философии – 8: метафизика, эпистемология, трансцендентальная когнитивистика и искусственный интеллект» (г. Москва, РГГУ, 20-22 апреля 2023 г.); XV Международная научная конференция «Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы — 2023. Разумность. Практичность. Человечность» (г. Санкт-Петербург, СПбГУ, 16-18 ноября 2023 г.); XI научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Философия в XXI веке: новые стратегии философского поиска – 2023» (г. Москва, МГУ, 4-8 декабря 2023 г.); Международный научный семинар (конференция) «Трансцендентальный поворот в современной философии – 9: метафизика, эпистемология, теория сознания, когнитивистика и искусственный интеллект, теология» (г. Москва, РГГУ, 11-13 апреля 2024 г.); XXII Международная конференция молодых ученых «Векторы» (Москва, МВШСЭН, 18-21 апреля 2024 г.).

Основное содержание работы

Во **введении** характеризуется актуальность темы исследования, определяются степень разработанности темы, объект и предмет исследования, ставятся его цели и задачи, формулируются теоретико-методологические основы, положения, выносимые на защиту, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, приводятся сведения об апробации.

Первая глава **«Социальная реальность и ее динамика: методологические аспекты исследования генезиса понятия и процесса ее философской концептуализации»** состоит из трех параграфов.

В первом параграфе **«Генезис понятия «социальная реальность»: классические теории»** отмечается, что социальная реальность, введённая в философский дискурс А. Шюцем, определяется как совокупность объектов и событий социокультурного мира, воспринимаемых через повседневный опыт людей, связанных взаимодействиями (интеракциями). Согласно Шюцу, она формируется через intersubjective опыт – процесс, в котором субъекты совместно конструируют реальность посредством символического обмена.

Ключевым элементом социальной реальности выступает интеракция. В отличие от бихевиоризма, где взаимодействие сводится к реакциям на стимулы, Шюц в оптике символического интеракционизма подчёркивает, что интеракция – это осмысленный обмен знаками и символами, где контекст коммуникации придает действиям значение. Таким образом, социальная реальность обладает цикличной структурой: индивиды создают её через взаимодействие, а она, в свою очередь, влияет на их поведение и мировоззрение.

Структурно социальная реальность делится на объективную и

субъективную стороны. Объективная сторона включает материальные и институциональные элементы – социальные институты, технологии, язык, природу в её освоенном виде. Субъективная сторона – это индивидуальные и коллективные представления, нормы и ценности, формирующие мировоззрение. Хотя мировоззрение индивидуально, его границы задаются общими культурными кодами (как у Дюркгейма: «коллективные представления»).

В историко-философской ретроспективе осмысление социальной реальности начинается с античности. Платон и Аристотель заложили основы её анализа, связывая её с государством и политикой. Платон видел в идеальном государстве отражение должного порядка, а Аристотель рассматривал общество как естественную форму человеческой жизни, где индивид реализует себя только в коллективе. В Средние века Августин и Фома Аквинский включили социальную реальность в религиозно-этический контекст, а эпоха Просвещения (Т. Гоббс, Дж. Локк) связала её с теорией общественного договора.

В XIX–XX веках понимание социальной реальности усложнилось. К. Маркс трактовал её через призму материализма и классовых отношений, Э. Дюркгейм – как систему «социальных фактов», независимых от индивида, а М. Вебер акцентировал роль субъективных смыслов и рациональности. А. Шюц, синтезируя эти подходы, предложил феноменологическую модель, где реальность конструируется в повседневных взаимодействиях.

Таким образом, социальная реальность – это динамичная система, возникающая из интересубъективных практик, обладающая объективными структурами и субъективными смыслами. Её изучение требует сочетания макро- и микроуровневого анализа, что отражается в современных междисциплинарных подходах.

Во втором параграфе **«Исследование динамики социальной**

реальности в постмодернистской философии» исследуются ключевые постмодернистские теории и концепции, являющиеся наиболее репрезентативными в контексте рассмотрения процесса трансформации социальной реальности. Эпоха постмодерна представляет собой не просто хронологическое продолжение модерна, но его принципиальную антитезу. Если модерн, начавший процесс своего становления в конце XVIII века, характеризовался становлением индустриального общества, национальных государств и верой в универсалистские метанарративы (прогресс, наука, рациональность), то постмодерн отвергает «Великие рассказы».

Кризис модерна, обострившийся после двух мировых войн, привел к утрате доверия к государственным институтам и универсальным идеологиям. Это вызвало волну интеллектуальной критики, в рамках которой философы постмодерна разработали концепции деконструкции метанарративов и анализа трансформации социальной реальности. Основной фокус их исследований сместился с поиска универсальных истин и построения обобщающих моделей, к изучению множественности, фрагментарности и нестабильности современных социальных процессов.

Постмодерн возникает как ответ на кризис модернистской парадигмы, предлагая новые подходы к пониманию социальной реальности в условиях утраты прежних устойчивых ценностных ориентиров. Данные подходы выражаются в концептуализации и критике отдельных частей социальной реальности.

Так, философами-постмодернистами проводится многоуровневый анализ текущего состояния социальной реальности, который утверждается посредством внесения в философский дискурс специфических понятий из разных областей научного знания: З. Бауман предлагает концепт «текущая современность», описывая свойство устойчивости современного общества; Ж.-Ф. Лиотар концентрируется на описании процесса делигитимации социальных институтов и метанарративов в послевоенное время; Ж. Делез характеризует структуру социальной реальности в постмодерне как

«ризоматичную», противопоставляемую «древовидной» в модерне; М. Фуко деконструирует социальные институты и высветляет процессы, связанные с социальной машинерией; Ж. Бодрийяр придает критике само понятие «реальности», вводя понятия «симмуляция», «симулякр» и концептуализирует текущее состояние социальной реальности в понятии «гипперреальность».

Исходя из историко-философского анализа состояния социальной реальности в оптике теорий философов постмодернизма, можно выделить ряд социо-политических маркеров, дающих возможность эксплицировать динамику социальной реальности как таковой, а также констатировать факт нарастания темпа социальной динамики внутри социальной реальности, как одного из ключевых показателей ее трансформации. Социальная динамика, являясь крайне проблемным понятием в социальной философии ввиду ее нарастающей скорости, а следовательно, и проблемой для социально-гуманитарного знания, традиционно не «успевающего» рефлексировать социальные тенденции, представляется как ключевая исследовательская дефиниция философов постмодернистов. Ответом на высокие темпы социальной динамики стало многообразие социальных теорий, предложенных и разрабатываемых социальными философами.

Накопление социо-политических маркеров, таких как: рост числа контркультурных социальных движений; интенсификация экономических, а следовательно, и коммуникативных процессов, в связи с новой волной научно-технического прогресса и глобализацией; деколонизация, и последующая за ним проблема интеграции процесса перестройки ценностных установок как в микросоциальном, индивидуальном, так и в макросоциальном, т.е. политическом, с необходимостью приводит общество к состоянию неопределенности, вследствие крайней сложности фиксировать текущие изменения, а следовательно и адаптироваться к ним.

Заключая, можно утверждать, что ввиду высокого темпа социальной динамики формируется поле для возникновения политических, социальных

и культурных разрывов, именуемые кризисом.

В третьем параграфе **«Основные идеи теории социальной реальности в постмодернизме»** рассматриваются общие и отличительные черты социальных теорий философов-постмодернистов. В свете характерной для постмодернистской философии идеи о «смерти автора», а также радикальной гетерогенности социального пространства, на первый взгляд кажется, что предмет мышления разных философов выступают разные части реальности, но, парадоксально, философы заочно составляют сообщество занимающееся изучением одной проблемы – кризисное состояние социальной реальности. Это, в числе прочего, видно из рефрена их работ, где деконструкция становится уже не методом исследования, а констатацией факта «болезни» культуры. В этой связи, исходя из проблемы настоящего исследования, имеет место рассмотрение влияния кризиса на процесс трансформации социальной реальности.

Рассматривая социальный кризис как явление, характеризующееся разрывом между желанной возможностью и нежеланной действительностью, возникает потребность исследовать и детерминировать его последствия. Кризис представляется отправной точкой процесса трансформации социальной реальности. Принимая во внимание множественную трактовку кризисных явлений в различных областях реальности, стоит отметить специфику его влияния на часть реальности, именуемой социальной. Специфика усматривается в связи с неминуемым состоянием дефицита в той или иной части изучаемого феномена.

В следствии подобного процесса накапливаются измененные культурные элементы, передающиеся в социальном пространстве и имеющие возможность привести к качественным изменениям. В свете настоящего исследования массовый процесс адаптации акторов социальной реальности, в конечном счете приводит к трансформации социальной реальности как таковой.

Подводя итоги следует отметить, что выявлена следующая концептуальная схема процесса трансформации социальной реальности в оптике трудов философов постмодернизма: *дефицит – кризис – отчуждение – адаптация*.

Накопление разного рода дефицитов приводит к состоянию кризиса, который в свою очередь запускает механизм отчуждения, а уже он, исходя из невозможности длительного нахождения в подобном состоянии, без угрозы витальным потребностям, приводит к необходимости адаптации, которая в свою очередь, становится стартом процесса трансформации социальной реальности.

Вторая глава **«Процесс трансформации социальной реальности в позднем капитализме на основе методов философии постмодернизма»** включает три параграфа.

В первом параграфе **«Влияние дефицита на генезис трансформации социальной реальности»** анализируются условия формирования специфических изменений современной социальной реальности. Интеллектуальная традиция эпохи Нового времени сформировала представление о благополучии как экономической цели общества. Эта парадигма, выраженная в теориях справедливого общества Ж.-Ж. Руссо, социальной теории Сен-Симона, а также концепциях Дж. Милля и А. Смита, привела к становлению антропологической модели *homo economicus* – социального субъекта, выстраивающего свой габитус на основе рационалистических убеждений и ценности материального благополучия. В условиях постмодерна данное представление сохраняет свою актуальность, что обуславливает особую остроту восприятия состояния дефицита как препятствия для достижения социального благополучия.

В современном философском дискурсе проблема дефицита

приобретает широкое толкование, выходя за рамки исключительно материальной недостаточности. Дефицит понимается как комплексный феномен, включающий экономические, политические и культурные аспекты, характеризующиеся выходом из состояния нормы и определяемые нехваткой должного количества благ. Социальная теория А. Шюца о конечных областях значений концептуализирует повседневность как «верховную реальность», где различные сферы человеческого опыта характеризуются различными формами дефицита. Индивид вынужден постоянно перемещаться между этими сферами для удовлетворения разноуровневых потребностей.

Ж. Бодрийяр в «Системе вещей» развивает эту проблематику, указывая на систематичность и бесконечность потребления в современном обществе. Согласно его подходу, человек потребляет не только вещи, но и знаки, что порождает феномен «дефицита реальности». Этот концепт находит развитие в работах С. Жижека, который артикулирует стремление современного человека к Реальному в условиях его дефицита, вызванного симулятивной природой современной социальной реальности.

В исторической действительности данные теоретические положения находят отражение в двойственных социальных процессах. С одной стороны, наблюдается феномен «дауншифтинга» как сознательного отказа от ценностей общества потребления и поиска подлинности через непосредственный контакт с природой, как примера «реальности». С другой стороны, имеет место активное потребление знаков в попытке компенсировать дефицит реальности, что проявляется в виртуализации социальных взаимодействий и феномене «хикикомори».

Делегитимация современного социального порядка, обусловленная секуляризацией и кризисом идеологий, порождает ценностный дефицит – состояние недостатка артикулированных предпочтений, при котором в существовании субъекта автоматизмы преобладают над творческими практиками. Парадоксальным образом, основным способом преодоления

этого отчуждения становится включенность субъекта в нарративы рыночных отношений, которые сами оказываются главным источником отчуждения.

Капиталистическая система воспринимается как естественная и экологичная, что создает эффект освобождения индивида от ответственности за ее создание и контроль. На этом фоне происходит кризис традиционных институций, включая науку, которая утрачивает статус метанарратива и становится инструментом оптимизации производственного процесса. Массовая культура заполняет образовавшийся ценностный вакуум, предлагая знаки потребления в качестве новых универсалий.

Социальная реальность в постмодерне характеризуется парадоксальным единством притяжения и отталкивания, что концептуализируется через категории *fascinas* (очарование) и *tremendum* (страх). С одной стороны, индивида притягивают знаки потребления, бренды и массовая культура, создающие иллюзию уникальности и принадлежности. С другой стороны, его отталкивают угрозы, порожденные обществом потребления – экологические катастрофы, геополитические конфликты, терроризм и т.д.

Ярким примером этого парадокса является феномен коллекционирования *merchandise*'а. Данная практика выполняет репрезентативную и интериоризирующую функции, позволяя конструировать множественные микро-идентичности через серийные, массово производимые знаки. Это порождает социальный феномен «серийной уникальности» - парадоксальное сочетание взаимоисключающих концептов, когда уникальность конструируется через стандартизированные модули массового производства.

Рыночные законы таким образом претендуют на место «священного» в современном мире, диктуя ценности и модели поведения, но оставаясь неподконтрольными индивиду. Это состояние бесконтрольности в

сочетании с воздействующей силой рыночных отношений создает ситуацию, когда любое действие или событие может быть интерпретировано через призму рыночных отношений и оценено в денежном эквиваленте.

Таким образом, дефицит в постмодерне приобретает тотальный характер, проявляясь в экономической, духовной и политической сферах. Кризис идентичности проявляется в попытках конструирования уникальности через симулятивные практики, что приводит к феномену серийной уникальности. Формализованность и симулятивность социальной реальности детерминируют процесс поиска подлинности, который, однако, зачастую воспроизводит логику общества потребления, что свидетельствует о глубине трансформационных процессов в современной социальной реальности.

Во втором параграфе **«Отчуждение как источник процесса трансформации социальной реальности»** рассматривается реакция на кризис антропологической модели *homo economicus*, в виде формирования новой модели, основанной на инверсии потребительских ценностей, основанных на попытке минимизации участия в экономических отношениях – *homo tardus*. Возвращение примата человеческих отношений над экономическими отношениями, главной составной частью которых является помещение первых на вершину аксиологической пирамиды, можно рассматривать как попытку создания нового блага в существующем состоянии постмодерна.

Во второй половине XX века обозначились тенденции к проявлению неудовлетворенности состоянием общества и культуры, что выразилось в кризисе парадигмы постмодерна. Согласно позициям философов-постмодернистов, в частности Ж. Бодрийяра и Ж. Делеза, массовая культура обрела форму бесконечной перекодировки, игры знаков и постоянного самоцитирования. Центральной проблемой современного мира стало

отчуждение, усугубляемое процессами глобализации и подменой локальных культурных нарративов универсальной логикой рыночных отношений.

Капиталистическое общество породило модель *homo economicus* - рационального субъекта, чья идентичность сводится к потреблению и конкуренции. Это привело к глубокому отчуждению: от продуктов труда, от других людей, от собственной сущности. Реклама и массмедиа трансформировали потребление в знаковый процесс, где вещи ценятся не за функциональность, а за символический капитал. Прагматичность потребления стала необходимым условием поддержания установленного порядка, где прогресс выступает самореферентным знаком, вынуждающим человека поддерживать бесконечную гонку за автоматизацией и комфортом.

Как реакция на этот кризис возникли феномены "новой этики" и "новой искренности". Их суть заключается в поиске аутентичности, преодолении симулятивности и отчуждения через отказ от иронии и цинизма постмодерна в пользу эмоциональной открытости. В медиапространстве это выразилось в демонстрации «реальности» (блоги, социальные сети), где приватное становится публичным, а аффекты - знаками искренности.

Однако данная стратегия оказывается парадоксальной. Блогинг и микро-селебрити, симулируя «естественность», остаются частью рыночной системы, где искренность становится товаром. Аффективные практики создают иллюзию аутентичности, но часто разрушают культурные нормы, не предлагая новых устойчивых ценностей. «Новая искренность» рискует стать симулякром – очередной формой отчуждения, маскирующейся под его преодоление.

Таким образом, современная социальная реальность остается в состоянии кризиса, где поиски искренности и аутентичности отражают глубокую потребность в преодолении отчуждения, но часто воспроизводят его же механизмы. Культура постмодерна исчерпывает себя, порождая запрос на новые метанарративы и подлинность, однако действительное

преодоление отчуждения требует не индивидуальных практик, а системных изменений и новых идеологий, способных консолидировать общество на основе аутентичных ценностей, а не рыночной логики.

Основываясь на вышеизложенном, общество потребления, в ситуации обострения проблемы отчуждения, детерминировало процесс, результатом которого является обретение массовой культурой формы бесконечной рекурсии. Интенция к всеобщему принятию идеи потребления как высшего блага, привела к ситуации, в которой система потребления заменяет разрушенные метанарративы. В этом смысле постмодернистская мысль выступает как педагогический проект, позволяющий минимизировать потери при адаптации в неустойчивой социальной реальности, за счет использования игрового режима, а, следовательно, принятию любых условностей. Реакцией субъектов социальной реальности на указанные процессы стало появление феноменов «новой этики» и «новой искренности», которые вывели аутентичность в статус основополагающей ценности. Новая искренность – это коммуникативная публичная ситуация, в которой есть актер признания и актер, оценивающий признание с точки зрения его честности. В сложившейся ситуации модус искренности включает в себя демонстрацию интенсивных эмоций, которые являются аффектами, оцениваемыми в положительном ключе.

В третьем параграфе **«Адаптация как вид трансформации социальной реальности»** рассматриваются современные социальные движения их роль и место в процессе трансформации социальной реальности. «Новая искренность» выступает концепцией, отсылающей к псевдоидеологии. Индивиды разделяющие ее ценности, выглядят как трансляторы некоторой идеологии, но эта идеология не выдерживает никакой критики, т.к. любая идеология предполагает онтологию. «Новая искренность» таким образом выглядит как техника, избавляющая от отчуждения, но так как это словосочетание, не имеет четко выверенного

значения, то именно в этом смысле мы можем говорить о нем как о симулякре. В то же время, рассматривая новую искренность как социальный феномен постмодерна, можно выявить ряд маркеров включенных в комплекс знаков, которые свидетельствуют о глубокой укорененности отчуждения в постмодерне.

Трансформация социальной реальности представляет собой многоуровневый процесс изменения, сохраняющий артефакты первоначального состояния и периодов изменений. Среди её видов адаптация выступает ключевым механизмом, направленным на приспособление системы к изменившимся условиям внешней или внутренней среды. Базовым условием адаптивных процессов является наличие вызова – общественного, политического или экономического. В условиях постмодерна основным методом адаптации становится деконструкция, направленная на разборку социокультурных объектов и выявление скрытых оппозиционных нарративов.

Центральной проблемой современного общества выступает отчуждение, усугубляемое процессами глобализации и доминированием рыночной логики. Культуриндустрия навязывает субъектам искусственные потребности, приводя к хронической усталости и экзистенциальной неудовлетворённости. Ответом на это становятся различные формы адаптации: от неререфлексируемых реакций (депрессивность, психологизация проблем) до осознанных стратегий сопротивления.

Историческими примерами адаптивных практик выступают движение хиппи с их отказом от потребительских ценностей и созданием коммун, а также фриганство, радикально отвергающее потребительский модус современного человека. Эти движения демонстрируют попытку создания альтернативных социальных пространств, нивелирующих негативные последствия доминирующей системы.

В медиасфере адаптация проявляется через феномен эпатажа, который эволюционировал от конструктивистских форм (Леди Гага) к

сенсуалистским (Холзи). Современные медиаперсоны деконструируют образ «священного монстра», демонстрируя «естественность» и непрофессионализм. Это находит выражение в концепции «новой искренности», которая становится реакцией на запрос в аутентичности.

Однако «новая искренность» парадоксальным образом оказывается товаром в обществе спектакля. Медиаиндустрия рекуперировывает маркеры борьбы с отчуждением, создавая симулякры подлинности. Ярким примером служит группа BTS, чей успех основан на иллюзии минимизации дистанции между звездой и аудиторией. Это приводит к новым формам отчуждения, когда искренность становится рыночным продуктом.

Таким образом, адаптация в постмодернистском обществе приобретает двойственный характер: с одной стороны, она представляет собой попытку преодоления отчуждения через создание альтернативных практик, с другой – часто оказывается инструментом потребительской системы, репродуцирующим отчуждение в новых формах. Феномен «новой искренности» выступает маркером этой противоречивой ситуации, демонстрируя глубокую укоренённость отчуждения в современной социальной реальности.

Заклучим. Борьба с отчуждением реализуется в форме отказа от идеи ценности умножения средств ради умножения капитала. В этой связи появился модус, антонимичный *homo economicus*, *homo tardus*, который характеризуется процессом замедления участия в экономических отношениях, что выразилось в виде мирного протеста против капиталистической системы. Реакцией капиталистической системы на появление *homo tardus* стало создание симуляции, которая продуцирует и конструирует публичные образы, включающие в себя рекуперированные маркеры борьбы с отчуждением, посредством демонстрации знаков искренности. Генеральным способом осуществления влияния таких образов публичных личностей стал прием отождествления конструкта публичного образа артиста и его внутренних личностных качеств, раскрываемых в

репрезентации кажущейся «естественности» и непрофессионализма. Новая искренность, в таком случае, становится социальной реакцией на отчуждение от включенности в товарно-денежные отношения людей в обществе потребления, но, в то же время, является успешным товаром, запускающим новый виток отчуждения в обществе спектакля. Следовательно, «новая искренность» выглядит как техника, избавляющая от отчуждения, но в действительности является лишь симулякром, в силу симулятивности функционирования капитализма, создавшего феномен новой искренности. В то же время сам феномен «новой искренности» является маркером, включенным в комплекс знаков, свидетельствующих о глубокой укорененности отчуждения в постмодерне.

В Заключении формулируются основные выводы по итогам проведенного исследования.

Статьи в журналах, входящих в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук ВАК

1. Романов И.Ю. Замедление как форма сопротивления модусу homo economicus: появление homo tardus / И.Ю. Романов // Abyss. – 2023. – № 1. – С. 101–108.
2. Романов И.Ю. Торопова А.А. Нечестные знаки новой искренности: очередной виток отчуждения общества спектакля / И.Ю. Романов, А.А. Торопова // Идеи и Идеалы. – 2024. – Т.16 № 1-1. – С. 164–184.
3. Романов И.Ю. Парадокс социальной реальности: fascinas и tremendum / И.Ю. Романов // «Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке». – 2025. – Т.3. № 3-1. – С. 47–56.

Публикации в других изданиях:

4. Романов И.Ю. Феноменологический анализ эпатажа как перформативной единицы публичной сферы постиндустриального общества / И.Ю. Романов // Трансцендентальный поворот в современной философии - 8: метафизика, эпистемология, когнитивистика и искусственный интеллект Москва, 20–22 апреля 2023 года / Отв. Ред. Шиян А.А., Катречко С.Л. – М. : РГГУ, 2023. – 184-185 с.
5. Романов И.Ю. Нефть как движущая сила общественного прогресса / И.Ю. Романов // Гуманитарные губкинские чтения. Социальные вызовы и новые тенденции в образовании XXI века Материалы VII международной научной конференции. / М. : РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, 2023. – 275-278 с.